

*С. А. Ткаченко,
д.э.н., профессор, факультет
международных отношений
Санкт-Петербургского
государственного
университета*

КОНЦЕПЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СВЕРХДЕРЖАВЫ И ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОСОЮЗА В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ

Ключевые слова: энергетическая сверхдержава, экономическая безопасность, «большая восьмерка».

В рамках подготовки первого председательствования Российской Федерации в Саммите Восьми («большой восьмерки») в 2006 г., руководители страны предложили для обсуждения на саммите проблемы «энергетической безопасности», а также заявили о готовности России играть ключевую роль в этой сфере в глобальных масштабах, прежде всего в Евразии. За этим последовало выдвижение концепции «энергетической сверхдержавы», каковой Россия хотела бы восприниматься партнерами по «большой восьмерке». Реакция ведущих государств планеты на российские предложения была немедленной и резко негативной. С тех пор руководство России никогда формально к данной концепции не обращалось. В то же время несколько программных документов в различных сферах национальной безопасности, одобренных Президентом Российской Федерации В. В. Путиным после 2006 г., основываются на признании особой роли энергетического компонента растущей экономической мощи России. Логика действий органов власти России в области энергетики также базируется на необходимости контроля ими «командных высот» в области энергетики для гарантии экономической безопасности как эффективного дополнения к статусу России как ядерной державы.

Согласно выводам классической работы Пола Кеннеди о роли сверхдержав в мировой истории, существует семь основных признаков, подтверждающих мощь государства: According to classical study of Paul Kennedy: географическое положение, численность населения, размеры экономики, наличие природных ресурсов, военная мощь, эффективная дипломатия и сформировавшаяся национальная идентичность [12]. Данная научная концепция активно используется в чисто политических целях с момента окончания Второй мировой войны прежде всего для характеристики роли и уникального положения в международных делах США, СССР, и иногда – Великобритании.

Вслед за крахом СССР последовало снижение роли Российской Федерации в глобальной политико-экономической системе. Научная дискуссия с той поры в основном была сконцентрирована вокруг вопроса о том, следует ли характеризовать Россию как «транзитное государство» (Melville), «нормальную (обычную. – С. Т.) страну со средним уровнем доходов» (Schleifer and Treisman 2003), «Моделью ОПЕК» (Brookings Institution and CFR) [16], или же как «государство с виртуальной экономикой» (Clifford Gaddy & J. Ickes). Ни одна из этих широко дискутировавшихся моделей не предусматривала, что может вернуть себе статус государства – равного партнера США и одного из глобальных

лидеров. Эксперты не находили экономического обоснования для возвращения России в центр мировой системы, равно как и признаков того, что первое поколение лидеров постсоветской России к этому стремилось.

За крахом СССР последовал глубокий кризис созданной во времена СССР промышленности и превращение всех возникших на его пространстве государств в нетто-импортеры технологий и потребительских товаров. В сочетании с низкими ценами на энергоносители в 1990-е гг, эти факторы стали важным условием для глобального экономического роста в 1992–1998 гг., который некоторые эксперты признают периодом самого быстрого экономического роста во всей мировой истории.

Концепция «энергетической сверхдержавы» – относительно новое понятие в международных отношениях. Она была сформулирована в начале 2000-х гг. как идеологическое объяснение изменений, отмеченных на мировой политической сцене, последовавших за началом периода значительного и долгосрочного роста цен на энергоносители в 1999–2008 гг., а затем с 2009 г. вплоть до настоящего времени.

По мнению российского экономиста Л. Григорьева, процессы в глобальной экономике в 1990-е гг. открыли России путь к тому, чтобы стать энергетической сверхдержавой. Он называет следующие процессы: быстрый экономический рост в различных регионах планеты на протяжении предшествовавшей четверти столетия, переход от использования нефти к природному газу, распространившаяся в мире после Чернобыльской аварии (1986 г.) тенденция отказа от атомной энергетики. В силу этих процессов Россия в начале 2000 гг. смогла войти в число мировых лидеров в сфере экспорта углеводородов [10].

Следует также признать, что быстрый экономический рост России после 1999 г. сделал ее внешней политикой более напористой. Руководители страны решили использовать предстоявший в июле 2006 г. Саммит «Восьми» в Санкт-Петербурге как уникальную возможность изменить имидж России, оправдать свое членство в «большой восьмерке» не только доброй волей США, то и

объективными характеристиками растущей национальной экономики.

Желание выявить сектор, в котором глобальное экономическое лидерство России не вызывало бы сомнений, объясняет многие дальнейшие шаги Кремля. Концепция России как энергетической сверхдержавы возникла в этот период как «побочное следствие» усилий по наполнению содержанием (глобальная энергетическая безопасность и центральное место России в ней благодаря своему статусу энергетической сверхдержавы) предстоявшее председательство в «большой восьмерке».

История концепции «энергетической сверхдержавы» и дебаты в политическом/научном сообществах России: 2006-2014

Один из авторов указанной концепции, президент Института энергетики и финансов Леонид Григорьев (Москва) отметил: «Очевидно, что термин «энергетическая сверхдержава» не должен восприниматься лишь как новейшая производная от широко известного термина. Данная концепция должна быть наполнена новым смыслом, если мы хотим избежать стереотипов, появившихся в период «холодной войны». Но по-прежнему остается загадкой то, для чего была разработана эта концепция и почему Российская Федерация решила выдвинуть ее как высший политический приоритет во время своего первого председательства в «большой восьмерке» в 2006 г.?

Л. Григорьев следующим образом сформулировал формальные характеристики «энергетической сверхдержавы»: «Существует всего два государства на планете – Россия и США (рассматриваемая вместе с Канадой и Мексикой), обладающие одновременно крупными запасами угля, газа, нефти, атомной энергии, гидроэлектростанциями и ресурсами новых типов энергии – ветряной, приливной и т. д. Однако США, несмотря на все свои гигантские ресурсы и мощности по производству энергии, по-прежнему остаются нетто-импортером энергетических ресурсов, в то время, как мы являемся нетто-экспортерами» [10]. Л. Григорьев также подчеркивал: «Термин "энергетическая сверхдержава" определяет новую эру, которой свойственны супердоходы, получаемые для развития страны.

Двигаясь по этому пути, Россия должна обеспечить стабильность, отсутствие конфликтов и предсказуемость энергетической политики для всего остального мира. Мы не должны предпринимать усилия по регулированию энергетических рынков» [10].

Павел Баев скептически отнесся к самой возможности того, что Кремль был в состоянии сформулировать устойчивую стратегию в области энергетики: «В России путь от амбиций трансформации в энергетическую сверхдержаву до подозрений в сохранении своего статуса "сырьевого придатка" был столь короткий, что две эти крайние позиции смешались в разочарование энергетическим бизнесом» [2]. Владимир Милов из Института энергетической политики (Москва) настроен крайне скептически к самой сути концепции энергетической сверхдержавы: «Концепция "энергетическо сверхдержавы" – это иллюзия, никак с реальностью не связанная. Самое опасное в ней в том, что она не признает взаимную зависимость России и потребителей энергии» [17]. Латынина, экономист и журналист радиостанции «Эхо Москвы» считает, что: «энергетическая сверхдержава – это страна, которая диктует условия другим государствам благодаря гигантским запасам сырья» [15]. Для Андрея Денисова и Алексея Гривача, экспертов газеты «Время новостей», подлинное содержание рассматриваемого термина в том, что он характеризует президентство Владимира Путина, которое характеризуется чрезмерной политизацией энергетического бизнеса в Российской Федерации» [3]. Они отметили, что во время президентского срока Владимира Путина «...на место бизнес-планов пришли геополитические концепции возрождения великодержавного статуса» (Ibid.). Кэрол Р. Сайвец отмечала в конце 2007 г.: «Согласно утвердившемуся убеждению, гигантские природные ресурсы превращают Россию в сверхдержаву, с которой необходимо считаться» [20].

Некоторые зарубежные ученые склонны рассматривать концепцию энергетической сверхдержавы в качестве удобной и полезной для анализа. Но обычно они не формулируют четких критериев, которые позволяют отнести конкретную страну этой категории. Именно поэтому число государств, которые когда-ли-

бо включались в виртуальный клуб «энергетических сверхдержав», достаточно велико.

Как считает Маник Талвани (Университет Райс, США), Канада и Венесуэла с наибольшей степенью вероятности приобретут статус энергетических сверхдержав в силу того, что они обладают возможностью резко увеличить добычу нефти в ситуации, когда общемировая добыча нефти снижается [22]. Брайан Уэлш, Энтони Фенсом и многие другие эксперты утверждают, что в силу «начавшейся в 2009 г. энергетической революции», США уже сегодня – энергетическая сверхдержава, обошедшая в этом качестве в 2013 г. Россию и Саудовскую Аравию [23, 7]. Эмброс Эванс-Причард убежден, что Австралия в среднесрочной перспективе займет центральное место на глобальном энергетическом рынке и превратится в энергетическую сверхдержаву [6]. Даже небольшой по размерам территории Израиль был отнесен Питером К. Гловером, соавтором бестселлера «Энергия и климатическая война» и редактором «Комментатора», к категории энергетических сверхдержав ввиду обширных офшорных месторождений природного газа и запасов сланцевой нефти в долине Эла [9].

Таким образом, идея энергетической сверхдержавы остается важным элементом дискуссии по актуальным проблемам мировой политики, объясняя динамику развития некоторых государств в рамках глобальной политико-экономической системы.

**Теоретические рамки модели
«энергетической сверхдержавы»:
концепция «мягкой силы»
против инструмента «реал политик»
для Кремля**

Чарльз Киндлебергер, один из отцов-основателей Международной политической экономии (IPE), характеризовал период истории после окончания Первой мировой войны как «Рах Americana» [14]. Структура мировой системы претерпела существенные изменения после 1945 г., но в течение обоих периодов лидерство США оставалось важнейшим условием общемирового развития. В этот же период на место первоначальных надежд на глобальное сосуществование США и СССР

пришла двухполярная архитектура мировой политико-экономической системы с центрами в Вашингтоне и Москве. Гегемония США оставалась очевидной и никем не оспариваемой до начала 1970-х гг., и признаками ее окончания стали крах Бреттон-вудской золото-валютной системы и война во Вьетнаме. Начиная с 1970-х гг. США, все больше и больше концентрировались на собственных проблемах в сферах торговли и экономического роста, и это послужило еще одним подтверждением снижения американской гегемонии в мире. Опубликованная в 1984 г. книга Роберта Кохейна дала название этому периоду – «После гегемонии» [13].

Идея трехполюсной политико-экономической системы (США, Западная Европа, Япония) стала приобретать популярность с 1980-х гг., что совпало с требованием развивающихся государств о Новом мировом экономическом порядке, основанном на справедливой торговле и помощи развитию. Возрождение на непродолжительный период американского унилатерализма, последовавшее за окончанием «холодной войны» и распадом СССР (1991–2001), казалось, остановило этот процесс. Но террористические атаки 11 сентября 2001 г. на США, показавшие всему миру неспособность единственной сверхдержавы эффективно противостоять растущим угрозам международной стабильности, подорвали способность США действовать без оглядки на союзников и все мировое сообщество. Президент США Дж. Буш-мл. остался в мировой истории как противоречивый политик, чья внешняя политика была преимущественно неоконсервативной и ориентированной на игнорирование точек зрения, отличных от американской. Возникла возможность внесения изменений в архитектуру мировой безопасности, и эта формирующаяся реальность получила название «многополярная система».

В 2003 г. Бразилия, Индия и Южная Африка учредили Форум IBSA, чьей объявленной целью было усиление сотрудничества в трехстороннем формате, прежде всего в рамках ВТО и других межправительственных организаций. В июне 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) пришла на смену Шанхайскому форуму, учрежденному в середине 1990-х гг. Россией, Китаем и их

центрально-азиатскими соседями (Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, а позднее и Узбекистаном). Стратегическая нестабильность, вызванная унилатерализмом Администрации Дж. Буша-мл., а также растущая необходимость в создании новых каналов для сотрудничества между развивающимися государствами, недостаточно полно представленными в структурах международного управления, стали ключевыми факторами, которые инициировали эти и многие другие попытки реструктурирования глобальной системы в указанный период.

После 2008 г. мировая политико-экономическая система вступила в период комплексного и драматического по своим параметрам экономического кризиса. Он выражается в снижении мощи традиционных центров силы (ЕС, США, Япония) и зарождении новых полюсов в меняющейся глобальной системе ввиду быстрого роста в развивающихся странах и государствах с переходной экономикой. С осени центральное место в дискуссии мировых лидеров и представляемых ими стран по глобальным вопросам занял саммит «двадцати». Принятые на его заседаниях декларации, а также ведущиеся в его рамках споры лидеров отдельных государств показывают, что существует потребность в открытых и равноправных дискуссиях для того, чтобы уравновесить мощь США с реалиями мировой экономики, прежде всего связанные с быстрым ростом в странах БРИКС.

Современную Российскую Федерацию зачастую характеризуют как государство, чьи интересы находятся в различных регионах планеты, по другую сторону ее государственных границ в Европе и Азии. Эта страна возрождается после десятилетия острого военного, политического и экономического кризиса. Поэтому главная задача России на международной арене сегодня – сохранить и консолидировать свою государственную мощь.

В канун саммита «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге лидеры страны осознали, что требуется предпринять срочные шаги для того, чтобы поднять статус России в глобальной политике до уровня, который гарантирует ей эффективную защиту ее политико-экономических интересов. Наиболее оптимальный

путь для достижения этой цели – продемонстрировать способность России играть роль глобального лидера в ограниченном числе сфер политики и экономики. Председательство в «большой восьмерке» открывало для достижения этой цели хорошие возможности.

В Российской Федерации сформировались большие ожидания в связи с саммитом в Константиновском дворце. В канун саммита Сергей Ознобичев, директор Института стратегических исследований и анализа, писал: «Совершенно ясно, что Россия добавил в повестку дня Большой Восьмерки широкий спектр вопросов в различных областях, конечно, в такой версии, которая соответствует ее интересам... Уверяю вас, что все, что в современном мире может рассматриваться как проблема, будет сформулировано в такой версии, которая соответствует нашим интересам»¹.

В итоге Российская Федерация провозгласила, что помимо традиционных для «большой восьмерки» тем (глобальная экономика и финансы, развитие, окружающая среда, безопасность и угрозы международного терроризма) в ее повестке дня появятся три новых вопроса: энергетическая безопасность, противодействие инфекционным заболеваниям, а также вопросы образования. Разумеется, энергетическая безопасность была призвана стать «визитной карточкой» саммита, продемонстрировать растущую «мягкую силу» и влияние России на мировые дела.

21 апреля 2006 г., в канун саммита, в Москве состоялась представительная международная конференция по вопросам энергетической безопасности. Кремль использовал трибуну конференции для того, чтобы презентовать свою позицию по этой проблеме. Андрей Конопляник, заместитель Генерального секретаря Энергетической хартии, таким образом охарактеризовал позицию России по вопросу об энергетической безопасности: «Принципы долгосрочного, надежного, экологически безопасного предложения энерге-

тических ресурсов по ценам, приемлемым производителям и потребителям, должны быть положены в основу структуры глобальной энергетической безопасности».

Характерно, что столь важное для России предложение было немедленно отвергнуто политическими деятелями в других государствах «большой восьмерки». Парламентарии, журналисты и ученые из США и некоторых европейских государств приняли участие в недолгой, но исключительно интенсивной кампании по подрыву кремлевской инициативы. Стратегическое направление критики определялось тем простым фактом, что все остальные члены «восьмерки», помимо России, были потребителями энергоресурсов, они объективно были заинтересованы в демонополизации региональных рынков и снижении цен на энергетические ресурсы, что должно было придать дополнительный стимул росту мировой экономики.

В канун саммита президент В. Путин принял личную «дипломатическую атаку» на США и другие страны «восьмерки». 27 июня 2006 г. он принял участие в традиционном совещании ведущих российских дипломатов – послов и представителей России в международных организациях². На этом совещании он отметил: «Россия должна принять на себя ответственность за глобальное социально-экономическое развитие в соответствии со своим статусом и потенциалом»³. Его речь можно было интерпретировать как попытку по-новому сформулировать задачи для внешней политики России. В июне 2008 г. Дмитрий Медведев подписал новую Концепцию внешней политики Российской Федерации, основные элементы которой были изложены В. Путиным в июне 2006 г.

В канун саммита «восьмерки» дискуссия об энергетической безопасности доминировала в российской повестке дня. Москва предложила обсудить «Хартию энергетической безопасности» в качестве составной части па-

¹ Oznobushev, Sergey. The Interview on the eve of the G-8 Summit t the Rossijskaya Gazeta. <http://www.rg.ru/2006/03/18/summit.html>

² Традиция данных встреч, проводимых раз в два года, возникла давно. Но с 2002 г. Президент Российской Федерации регулярно их посещает и обращается к ведущим российским дипломатам с программной речью. Данная традиция сохранилась в 2008 и 2010 гг., когда пост Президента России занимал Д. Медведев.

³ President Vladimir Putin. Speech at the meeting with Ambassadors and Permanent Representatives of the www.kremlin.ru/text/appears/2006/06/107802.html

кета документов, который должны были одобрить лидеры на саммите. На самом саммите В. Путин предложил новую стратегическую инициативу, направленную на создание системы энергетической безопасности в Европе. По мнению российских авторов данной инициативы, предложенная система должна быть реализована путем совместных действий, сфокусированных на стабилизации международных рынков энергоресурсов, росте инвестиций в ключевые секторы глобального энергопроизводства, повышении уровня энергоэффективности, а также решении проблем обеспечения равного доступа к современным услугам в энергетике.

Данное предложение базировалось на убеждении в том, что современная Россия контролирует существенную часть мировых энергетических резервов, их добычу и экспорт. Россия унаследовала у СССР существенный научно-технический потенциал в данной сфере. Опираясь на него, Россия продемонстрировала свое желание принять участие в строительстве глобальной энергетической инфраструктуры, которая гарантирует эффективное производство, транспортировку, потребление и защиту окружающей среды. В то же время, российские эксперты предложили идею создания международного газового консорциума, разумеется, под руководством самой России. Согласно заявлению заместителя министра иностранных дел России Александра Яковенко: «Россия стремится диверсифицировать свою энергетическую инфраструктуру географически, а также с точки зрения разнообразия средств доставки различных видов энергоресурсов потребителям. Это даст России возможность увеличить экспорт энергоресурсов». Очевидно, что задачей для Кремля было добиться признания себя в качестве ключевого поставщика энергии в Евросоюз, и, как следствие, усилить свои политические позиции по отношению к европейским соседям.

Некоторые эксперты склонны характеризовать набор предложений России как «доктрину» энергетической сверхдержавы. Согласно популярной точке зрения тех дней, Россия Владимира Путина пыталась вернуть себе статус глобальной сверхдержавы, используя для этого свои огромные энергоре-

сурсы в качестве современного субститута ядерным арсеналам и многомиллионной армии.

Реакция других лидеров «большой восьмерки» на провозглашенные Россией в Санкт-Петербурге инициативы была резко отрицательной. Несколько предложений в Заключительной декларации упоминают энергетическую безопасность, но, с российской точки зрения, этот текст был практически полностью лишен смысла. Он никак не мог продвинуть вперед планы Москвы стать глобальной или хотя бы региональной энергетической сверхдержавой.

Напротив, предложенный Россией проект испугал европейцев, опасавшихся, что она будет использовать свои энергетические ресурсы для проведения политики «кнута и пряника». Активные усилия России в рассматриваемой области подтолкнули европейские страны к тому, чтобы через год подготовить «Третий энергетический пакет», формально представленный в сентябре 2007 г. Пакет был разработан таким образом, чтобы снизить зависимость ЕС от России как ключевого поставщика энергии (главным образом, природного газа) на интегрированный рынок ЕС. «Третий энергетический пакет» обозначил новую тенденцию в европейской политике по отношению к России – стремление к выдавливанию России из европейских энергетических рынков и из единого экономического пространства.

Россия же рассматривала петербургские инициативы 2006 г. как потенциально выгодные для экономики ЕС. Президент В. Путин подчеркнул на завершающей саммит прессконференции, что Россия ожидает от своих западных партнеров шагов, которые помогут в реализации ее планов. По словам В. Путина, «меры, которые гарантируют поставку энергоресурсов, должны сопровождаться усилиями по обеспечению стабильности спроса... Для достижения этого нужно разработать особые инструменты, например, долгосрочные контракты между производителями и потребителями»⁴.

Вслед за «крахом энергетической инициативы» на саммите «восьмерки» в Санкт-Петербурге Россия обратилась к своим азиатским партнерам с аналогичной инициативой.

Трехсторонняя встреча лидеров Китая, Индии и России в рамках саммита «восьмерки» принесла существенно больше конкретных результатов. По окончании пресс-конференции В. Путин специально отметил, что экономическое сотрудничество России и Китая быстро развивается, включая энергетический сектор, и такие же тенденции следовало сформировать и в российско-индийских отношениях.

Саммит «восьмерки» в Санкт-Петербурге не оправдал ожидания руководителей России. Было невозможно не заметить, что лидеры США и Западной Европы откровенно торпедировали инициативы Кремля, даже не вступая в дебаты об их содержании и о намерениях Москвы.

Скрытым, но очень важным последствием провала планов в отношении саммита «восьмерки» в 2006 г. стала утвердившаяся в руководстве России идея пересмотреть свое первоначально позитивное отношение к «восьмерке» как структуре управления глобальной экономикой и политикой. Кремль отлично осознал, что обладает маргинальным статусом в «восьмерке», и этот статус останется в будущем таковым независимо от успехов в развитии национальной экономики. Урок был усвоен хорошо: Москве, по мнению Запада, не следовало говорить о «величии» или «статусе сверхдержавы» ни в каком контексте, даже применительно к экономике или энергетике.

Следует согласиться с тем, что концепция «сверхдержавы» несет в себе существенный конфликтный потенциал для международных отношений. Она предполагает превосходство одного государства над другими и его желание приобрести и использовать дополнительные инструменты для продвижения своих национальных интересов. Эти интересы никогда не ограничиваются лишь энергетической или экономической сферами. Поэтому в нашем поиске теоретических оснований для использования Россией концепции «энергетической сверхдержавы» следует изучить нарратив, доминирующий в обсуждении в России роли силы (мощи) в международных отношениях и при определении

места страны в архитектуре глобальной безопасности.

По мнению В. Суркова, помощника Президента России в 2006 г., Российская Федерация была готова пожертвовать другими приоритетами экономического развития для того, чтобы стать «энергетической сверхдержавой». В одной из своих речей он отметил: «Если природа наделила вас длинными ногами, вам следует заниматься прыжками в длину, а не игрой в шахматы», т. е. для России было бы большой ошибкой игнорировать свое энергетическое богатство, сконцентрировавшись на других секторах экономики, оставив энергетику на периферии стратегии развития национальной экономики.

Россия играет важную балансирующую роль на глобальном энергетическом рынке, главным образом, благодаря экспорту нефти. Российские нефтяные компании добывают нефти примерно столько же, сколько компании США и Саудовской Аравии, хотя по доказанным извлекаемым запасам нефти Россия сегодня занимает лишь седьмое–восьмое место в мире.

С момента распада СССР и нового начала суверенитета России, даже вопреки десятилетнему периоду кризиса, включавшему гиперинфляцию и спад экономики, Россия всегда имела положительный внешнеторговый баланс, прежде всего благодаря экспорту минеральных ресурсов (нефти, природного газа и каменного угля). Следует признать, что энергетика была и остается важным активом для российской внешней политики, решающим инструментом, благодаря которому можно решать острые социально-экономические проблемы внутри страны. В августе 1999 г., когда Государственная дума России дала согласие на назначение В. Путина премьер-министром страны, баррель нефти стоил 18 долл. США. Потребовалось около 5 лет для того, чтобы цена барреля достигла уровня в 30 долл. (1999–2004 гг.). Период быстрого роста цен на нефть наступил только в 2004 г. Средняя цена в 2005 г. составила 54 долл. США, в 2006 г. – 65 долл., в 2007 г. – 72 долл. Другими словами, за период с 1999 по 2007 гг. цена барреля возросла в четыре раза.

⁴ Vladimir Putin. Press-conference on July 17, 2006. www.kremlin.ru

Ввиду формирования национального консенсуса вокруг идеи модернизации России, включая формирование эффективно функционирующих институтов рыночной экономики и демократического общества, политики России рассматривают энергоресурсы как основной источник средств для модернизации страны. Сейчас уже очевидно, что возросшее налогообложение энергетического сектора и национализация ряда наиболее эффективных нефтяных компаний направлены на аккумуляцию финансовых ресурсов для восстановления промышленной мощи страны, в рамках которой военно-промышленный комплекс пользуется особым расположением политиков и получает значительную долю бюджетных средств. Экономика России была и остается крайне энергозатратной. Также ее эффективность снижают огромные расстояния и вызванные этим транспортные издержки, что ограничивает экспортный потенциал ее промышленности.

Стратегические документы, посвященные перспективам развития энергетики России

Главная цель для нынешнего поколения лидеров России – восстановить статус России как глобального игрока в политической, военной, экономической и даже медийной сферах. Кремль убежден в том, что его законные интересы должны быть учтены, не могут игнорироваться другими ведущими державами, прежде всего США. Это особенно важно, если речь идет о регионах по периметру российских границ, которые Д. Медведев в годы своего президентства назвал «зоной привилегированных интересов России». Огромные энергетические ресурсы дают России надежды на то, что она сможет использовать энергетику для возвращения статуса «великой державы» даже после распада СССР.

«Энергетическая стратегия Российской Федерации», утвержденная 28 августа 2003 г., провозгласила, что природные ресурсы России должны стать фундаментом ее внешней политики, а эффективность их использования должна быть увеличена [5]. Неудача кампании по признанию за Россией статуса «энергетической сверхдержавы» побудила федераль-

ное правительство полностью пересмотреть приоритеты национальной энергетической политики, а также изменить горизонт планирования данного сектора национальной экономики.

В декабре 2006 г. был опубликован проект «Концепции энергетической стратегии России на период до 2030 года». Формально, данная концепция заменяла прежнюю стратегию 2003 г., чье действие истекло в 2020 г. Проект новой стратегии показал желание российских властей изменить некоторые внутренние приоритеты развития энергетического сектора, но существенной ревизии были подвергнуты планы энергетики России на международной арене, при этом в центре оказался газовый сектор и его роль в экономическом развитии страны, ее присутствия на внешних рынках.

Энергетическая стратегия Российской Федерации была утверждена Правительством России 13 ноября 2009 г. Она предусматривает два сценария: умеренный и оптимистичный. При этом ни один из них не предусматривает снижения добычи нефти и природного газа. Тем не менее, даже оптимистичные прогнозы утверждали, что наращивание производства нефти и газа не сможет удовлетворить растущий спрос на энергоносители внутренних потребителей, а также покупателей в Европе. Сегодня более 50 % внутреннего потребления энергии приходится на природный газ, при этом цены на него на внутреннем рынке субсидируются даже в условиях достаточно быстрого экономического роста в 2010–2011 гг..

Естественным решением данной задачи представляется снижение экспорта в страны СНГ, Турцию и на рынок ЕС. Другое решение – реформирование внутреннего энергетического рынка, прекращение субсидирования и увеличение производства других источников энергии, прежде всего – электроэнергии на атомных электростанциях.

Актуальна ли концепция «энергетической сверхдержавы» для России сегодня?

Президент России В. Путин открыто дистанцировался от концепции «энергетической сверхдержавы» вскоре после ее провозглашения. 9 сентября 2006 г. на встрече с членами

Валдайского клуба всего через два месяца после саммита «восьмерки» он заметил по поводу этой концепции: «Я бы предпочел отказаться от терминологии прошлого. Термин "сверхдержава" использовался в период "холодной войны". Нужно ли нам и дальше пользоваться терминами "великая держава", "сверхдержава" и т.д.? Я никогда не называл Россию "энергетической сверхдержавой". Но у нас здесь действительно имеются ресурсы большие, чем почти у любой другой страны. Это очевидный факт» [19]. С июля 2006 г. позиция России остается неизменной: все ключевые игроки энергетического сектора планеты должны либо переписать «правила игры» ввиду меняющейся геометрии силы, либо не требовать от всех стран соблюдения правил, унаследованных нами сегодня со времен однополярного господства США.

Официальные заявления российских лидеров после саммита «восьмерки» в Санкт-Петербурге показывают, что они признали ошибочной попытку добиться признания России «энергетической сверхдержавой». Они осознали, что для политиков Запада нетерпимо само сочетание слов «Россия» и «сверхдержава» ни в каком контексте, ни в самом важном – военном, ни в таком относительно приемлемом, как энергетика.

Итог обсуждения в России проблем растущего энергетического богатства и возможностей его конвертации в эффективные инструменты внешней политики страны следующий: Россия действительно обладает гигантскими запасами нефти и газа, и она стремится использовать их в максимальном объеме сегодня, не оставляя их для следующих поколений своих граждан. В то же время два десятилетия недоинвестирования национальной энергетики из внутренних и внешних источников, а также отсутствие остро необходимой промышленной и транспортной инфраструктуры для наращивания экспортных возможностей делают незначительными возможности России по проецированию энергетической мощи на сферу внешней политики.

Литература

1. The Energy Strategy of Russian Federation for the period up to 2020. Decree No. 1234 R, August 28, 2003.
2. Baev Pavel K. 2013. How Russia's Energy "Weapon" Turned into a Oil Pillow and Gas Rattle.

PONARS Eurasia: PONARS Eurasia Policy Memo No. 294, September 2013. 5 p.

3. Denisov Andrei and Alexei Grivach, 2008. The Gains and Failures of the Energy Superpower. Russia in Global Affairs, No. 2, April-June 2008, accessed at: http://eng.globalaffairs.ru/number/n_10928

4. De'Robertis AntonGiulio and Stanislav Tkachenko. La Russia e i BRICS. Istituto di Studi Politici "S. Pio V" – Roma: 2013.

5. Energy strategy of Russia for the Period up to 2020. Decree No. 123R, August 2003. Published at website of Russian Government: www.gov.ru

6. Evans-Pritchard Ambrose. 2013. Australia to be an energy superpower by mid-2017. The Telegraph, United Kingdom. December 15, 2013. Accessed at www.telegraph.co.uk/finance/newsbysector/energy/oilandgas/10519371/Australia-to-be-an-energy-superpower-by-mid-2017.html

7. Fensom Anthony. America: The Next Energy Superpower? January 2, 2013. Accessed at www.thediplomat.com/2013/01/america-the-worlds-new-petrostate/?allpages=yes

8. Gaddy Clifford G. and Barry W. Ickes. 1998. Russia's Virtual Economy. Foreign Affairs, March-April 1998.

9. Glover Peter C. Israel: the coming energy superpower. April 5, 2013, accessed at www.petercgllover.com

10. Grigoriev Leonid. 2006. How Russia's energy superpower status can bring supersecurity and superstability? Accessed at <http://en.civilg8.ru/2054.php>

11. Hill Fiona. 2002. Russia: The 21st Century's Energy Superpower?

12. Kennedy Paul. 1987. The Rise and Fall of the Great Powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000. New York: Vintage Books.

13. Keohane, Robert. 1984. After Hegemony. Princeton, NJ.: Princeton University Press

14. Kindleberger Charles P. 1973. The World in Depression: 1929–1939 Berkeley, Ca: University of California Press.

15. Latynina Yulia, 2010. An Energy Superpower by Default. The Moscow Times, March 10, 2010.

16. Liuhto Kari. Energy in Russia's Foreign Policy. 2010. Turku: Electronic publications of Pan-European Institute, accessed at http://www.utu.fi/fi/yksikot/tse/yksikot/PEI/raportit-ja-tietopaketti/Documents/Liuhto_final_netti.pdf

17. Milov Vladimir, Andrew Kuchins. 2006. How sustainable is Russia's Future as an Energy Superpower? Carnegie Endowment for International Peace, March 16, 2006 accessed at <http://carnegieendowment.org/2006/03/16/how-sustainable-is-russia-s-future-as-energy-superpower/b6z>.

18. Monaghan Andrew. "Russia and the Security of Europe's Energy Supplies: Security in Diversity?" Conflict Studies Research Center, January 2007. Accessed at www.defac.ac.uk/colleges/csrc

19. Putin Vladimir. 2006. Transcript of Meeting with Participants in the Third Meeting of the Valdai Discussion Club. September 9, 2006, accessed at http://archive.kremlin.ru/eng/speeches/2006/09/09/1209_type82917type84779_111165.shtml

20. Saivetz, Carol R. 2007. Russia: An Energy Superpower? MIT: MIT Center for International Studies, December 2007.

21. Schleifer Andrei and Daniel Treisman. 2003. A Normal Country. NBER Working Papers Series. Working Paper No. 10057. NBER: Cambridge, Mass. October 2003.

22. Talvani Manik. 2003. Canada, the next oil superpower. The New York Times, August 15, 2003.

23. Walsh Bryan. 2013. The U.S. Is an Energy Superpower. October 04, 2013.

© Ткаченко С. Л.